

М а с т е р

и

М а р г а р и т а

ВЫПУСК 1
экспериментальный
1997 г

Литературная газета для творческой молодежи

РЕЛИГИЯ ГОСПОДА - РАЗУМ РЕЛИГИЯ ДЬЯВОЛА - СЕРДЦЕ

РЕДКОЛЛЕГИЯ

ВОЛАНД
Генеральный консультант
МАСТЕР
редактор Поэзии
МАРГАРИТА
редактор Прозы
КОТ ЧЕРНЫЙ
юморист
КОРОВЬЕВ
критик
АЗАЗЕЛЛО
публицист
ПОНТИЙ ПИЛАТ
руководитель Авторской
Приемной

ИНФОРМАЦИЯ

ФАЙЛ № 1

ШЕДЕВР МАСТЕРА

ЮРИЙ ВЛОДОВ

Я думаю: Христос писал стихи -
Плел сети из волшебной чепухи...
А жизнь Христа - была душа поэта...
Иначе - как?! - откуда бы все это?!...
В кругу слепых, болезненных племен
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда графоманом -
Неузнанным Сальери тех времен?!..

ЛЕГЕНДА

Учредителем нашей газеты является некая таинственная missis Vlodova. Поговаривают, что она не то англичанка, не то американка. Она постоянно проживает за границей, в англоязычных странах. Поэтому ее никто, кроме, наверное, главного редактора, и в глаза не видел.

Главный редактор газеты - Ljudmila Osokina. Ходят слухи, что тоже иностранка, не то полячка, не то шляхтичка. Хотя некоторые, вполне осведомленные люди, утверждают, что это - самая обыкновенная russian woman. Держится она очень строго, ходит в деловом костюме и черных очках и с сотрудниками газеты общается, в

основном, по телефону. Ну да Бог с ними, с иностранцами. Вот мы - Мастер и Маргарита - настоящие russian peoples, хотя и существуем только на бумаге. Но это не значит, что мы менее реальны, чем две только что названные мистические гранд-дамы.

Посмотрите на наши фотографии. Мы в темных очках /такой уж у нас редакционный стиль, форма одежды./ А зачем вам знать наши настоящие лица, они ведь все равно у нас ненастоящие?

Итак, друзья начинаем нашу жизнь и игру на страницах газеты "Мастер и Маргарита".

Дорогие друзья! Вас приветствует первая литературная газета для творческой молодежи под названием "Мастер и Маргарита". Именно первая, потому что раньше литературных газет для молодежи не существовало.

В чем основная задача нашего издания? В первую очередь, стать для молодого поколения другом, наставником, а также путеводителем, справочником в сложном, таинственном и интересном мире литературы и литературной жизни.

Мы постараемся снабдить молодых "гениев" информацией, которая может им понадобиться в их дальнейшей творческой жизни. Расскажем, что из себя представляют такие места, как ЦДЛ, литературный институт, редакции писательских газет и журналов. Познакомим с выдающимися книжными издательствами, крупнейшими библиотеками, литературными студиями, объединениями, писательскими союзами, и со многими другими необходимыми атрибутами жизни писателей.

Другая задача газеты - творческая, наставническая. Наша газета научит вас разбираться в своем творчестве, кроме того она будет учить вас

ЛЮДИЛА ОСОКИНА

ФАЙЛ № 2

ПОЭТИЧЕСКИЙ ХИТ

Черная кошка - не хочет дружить.
Черная кошка - себе на уме.
Нравится ей в потаенности жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.
Вон она! - там, в переулке пустом,
Только два глаза заблещут вдали...
Вон она! - прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.
Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Как бы в беззвучном загадочном сне...
Вот она! - бархатной ночи душа! -
Черная кошка при желтой луне!

азам мастерства, для чего будут открыты соответствующие файлы / т.е. рубрики /.

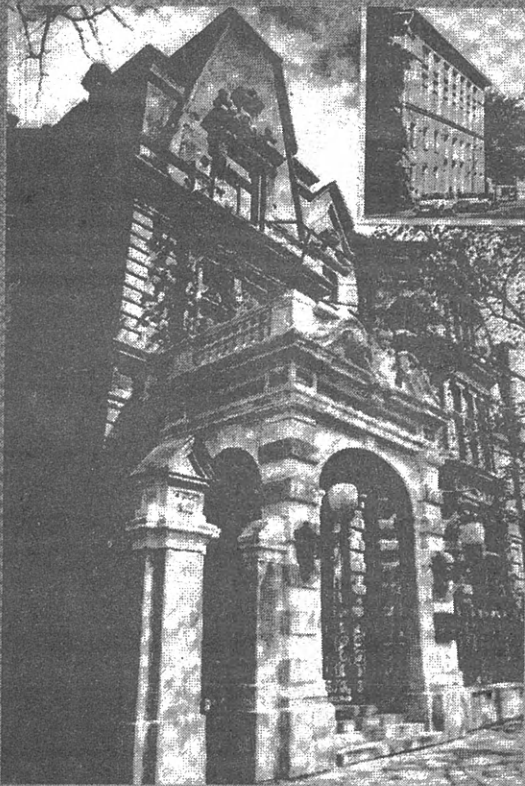
Третья задача нашей газеты - дать молодежи явить себя, то есть, опубликоваться. Это одна из самых трудных проблем, которая встает перед начинающими. Мы предоставляем молодым такую возможность - заявить о себе.

И последняя миссия нашего издания - литературно-

художественная. В некоторых файлах нашей газеты будут представлены образцы литературно-художественных творений, у которых вам следует учиться, на которые вам следует равняться. В файле "Магия Мастера" из номера в номер будут публиковаться творения мастера высочайшего класса, виртуоза своего дела, величайшего поэта современности Юрия Влодова.

Центральный Дом литераторов

ЧАСТЬ 1. ХРАМ ЛИТЕРАТУРЫ.

Здание ЦДЛ примечательно тем, что находится сразу на двух улицах: на Б. Никитской и на Поварской. Дом со стороны Поварской был построен в 1889 году в стиле модерн романтического направления. Вскоре после постройки дом купила графиня Олсуфьева и прожила в нем до 1917 года.

После Октябрьского переворота в дом заселили городскую бедноту, которая жила здесь до 1925 года, потом в нем расположился отдел детских учреждений при ВЦИК и только в 1932 году здание было передано Дому писателей.

Дом был невелик, а писательский союз увеличивался день ото дня. Для того, чтобы в случае организационной и идеологической необходимости можно было собрать у себя все московское писательство, в 60-е годы к старому особняку пристроили новое здание неопределенного архитектурного стиля с выходом на улицу Герцена. Таким образом, дом у писателей получился превосходный.

В 1994 к 60-летию Центрального Дома литераторов удалось выпустить книгу о ЦДЛ "Дом на две улицы". Эта книга - не история ЦДЛ, не его летопись. В ней собраны всего лишь короткие рассказы писателей о том, чем был для них Дом, что из увиденного и услышанного запало им в память. Ведь в этот Дом всегда тянулась свободомыслящая интеллигенция. В нем, даже в самые темные и душные времена царил атмосфера свободы, душевной независимости.

Предлагаем некоторые фрагменты из этой книги.

АЛЕКСАНДР ГОРОДНИЦКИЙ

На разных этажах.

ЦДЛ. Сложный круг воспоминаний связывает меня с этой аббревиатурой, практически никогда не требовавшей расшифровки и разворота в нелепое и малопонятное название. Центральный Дом литераторов. Каких литераторов? Оказывается, только тех, кто мог предъявить на входе членский билет Союза писателей СССР, ярко-красную книжицу с золотым орденом Ленина, напоминающую "гэбэшное" удостоверение. Значит, и не литераторов это дом, а только тех,

кто "в законе", - членов ССП.

Совсем другое дело "ЦДЛ" - символ бурной и таинственной литературной жизни шестидесятых годов, подлинный ее центр, манивший нас, провинциальных юнцов, своей недоступностью.

Помню отчетливо, хотя прошло много лет, как был потрясен я, робкий неопит, обманном путем с большими сложностями проведенный в первый раз в шумное, витающее в густых облаках табачного дыма, кафе с цветными стенами, которые были увенчаны многочисленными шаржами и автографами литературных знаменитостей. Как жадно вдыхал я губительный и нетрезвый воздух "истинной поэзии". Тщеславное сознание своей, пусть случайной и недолгой причастности к этому, недоступному для простых смертных, храму литературы, кружило голову и застилало глаза, перед которыми на низкой сводчатой стене чернела надпись: "Здесь однажды ел тушенку и увидел Евтушенку".

И как не закружиться голове? Живые, тогда еще живые классики, известные до этого только по портретам, сидели совсем рядом и под звон рюмок обсуждали свои таинственные литературные дела. В те годы первый этаж, духовным центром которого были кафе и ресторан, на самом деле являлся постоянно действующим литературным клубом. Его завсегдатаи, писатели и поэты старого поколения, просто как бы жили здесь, сбегав от семейных неурядиц и домашнего неустройства. Здесь обсуждали стихи и прозу, заключали и расторгали договоры, сколачивали и разваливали коалиции, женились и разводились.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

Деревянный ангелок.

...А на витой колонке Дубового зала бесстрастно отвечает скульптурное девичье личико - деревянного ангела ЦДЛ. Эта девочка - Маша Олсуфьева, графинюшка, последняя владелица нашего дома.

Я довольно хорошо знал Марию Васильевну. Аристократически стройная, сухопарая, она жила с дочерьми в своем палатке во Флоренции, переводила прозу Пастернака и Солженицина и делала "литерат" - подстрочный перевод для моей первой книги в издательстве Фельтринелли.

Много лет спустя, когда табу на нее ослабло, М.В. Олсуфьева побывала в Москве. Я пригласил ее отобедать в ЦДЛ. "Это же мой дом", - остолбенело оглядывалась гостья. Мы сели под колонкой с детским личиком. Их профили совпадали. "Я хотела бы взглянуть на свою детскую. Где я спала. Это здесь, за дверьми, на первом этаже..." Ее лицо озарилось, стало страшно похоже на детское личико барельефа. Рука затрепетала. Как, наверное, сердце ее сжалось, выходя в прихожую. "Что там сейчас?" На дверях детской спаленки поблескивала табличка "Партком".

НАТАЛЬЯ ИВАНОВА.

Ностальгия.

Дом - чудесный. Теплый. При нашем московском, сыро-мрачном зимой климате, обдувает жаром калориферов уже в тамбуре. А вошел - первым делом видишь большую уютную лампу под золотым сияющим абажуром, где сидит Эстезия Петровна с гладко зачесанными в пучок блестящими черными волосами. Бьют старинные напольные часы... Атмосфера здесь особенная, и

пахнет хорошо - свежеспеченными булочками с ванилью.

Дом - эпохальный. Одна его часть, где ресторан, Дубовый зал с камином - еще из серебряного века нашей культуры. Другая, трехэтажная - из сталинского времени. А подземным переходом можно пройти и в век девятнадцатый - "Дом Ростовых".

Впервые я сюда пришла со стихами, поступив в поэтическую студию к Арсению Александровичу Тарковскому. Было мне 18 лет - кто в этом возрасте не пишет плохих стихов? В студии у Тарковского занимались Владимир Леванский, Лариса Тараканова, Эдуард Лимонов. К Лимонову, не теперешнему скандалисту-эпатажнику, а худенькому, одетому в украинскую рубашку с вышивкой, читающему странные, ни на что непохожие вирши, Арсений Александрович относился с особой нежностью.

Очень скоро стихи у меня "кончились", но ходить в ЦДЛ я не перестала. После занятий пили кофе в задымленном Пестром зале, выясняли позиции и взгляды на литературу. Читали друг другу...

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ.

Нигде, кроме как в нашем доме.

Живой реликвией ЦДЛ был парикмахер. Если я скажу, что три поколения московских писателей считали за честь стричься у него, я мало что скажу о нем. Моисей Михайлович Маргулис - так звали этого маэстро - был известен во всех пределах бывшего СССР. И даже на берегах Тибра. Да, да. О нем рассказывали анекдоты, но у меня всегда было впечатление, что придумывал он их сам. А ликом, далеко не античным, походил на папу Иннокентия XXIII. Папу Римского я вспомнил неспроста. Валентин Петрович Катаев, вернувшись из Италии, пришел к Моисею Михайловичу, чья цирюльня помещалась в конце коридорчика между Каминной залой парткома и Дубовым залом ресторана. Прославленный клиент мрачно расположился в кресле. "Как будем стричься?" - спросил бралобрей. "Молча", - ответил автор знаменитой повести, чье название заимствовано у Лермонтова. Но словоохотливый М.М.М. молча работать не умел и поэтому положил начало диалогу. "Вы были в Риме?" - "Да". "Имели аудиенцию у папы?" - "Да". - "И склонив голову, целовали ему туфлю?" - "Да". - "И что он вам сказал?" - "Ничего". Только спросил: "Какой идиот тебя стриг?"

Самоироничный человек был Моисей Михайлович. К тому же, у него имелся альбом, на чьих страницах писатели оставляли свои остроумные посвящения и автографы. Даже поэмы. Помню две строчки из поэмы Арга. В них шла речь о Николае Грибачеве - поэте, функционере консервативных взглядов. Николай Матвеевич был лыс, как после снятия скальпа. Арга намекал, что все может измениться:

А если вдруг начнет тонуть,
За что хватать, за что тянуть?

А Константин Симонов оставил в альбоме шуточно-роковое предостережение брату-писателю:

Твоих коллег он стриг до гроба
И брил в гробу.
И ты переменить не пробуй
Свою судьбу.

Где теперь эта рукописная книга - библиографическая редкость в единственном экземпляре?

Материал подготовлен сотрудником № 1.

Религия Господа - разум.
Религия Дьявола - сердце.
 Над пустыней - Божественный прах
 И ревучий огонь камнепада
 Заблудилась в песчаных морях
 Паства ада...
 Жажде мнитея речная струя...
 Исыхает нутро, холодеет...
 Это вышла на круги своя
 Иуда...

Сердце Сатаны -
с правой стороны.
 Заземлились голоса: "Моисей!
 Ты - художник... Ты в рай - на паях...
 Боготворное зерно в море сей!
 Рыбу жирную лови на полях!"
 Моросит песчаный прах моросей -
 Налипает на глаза и на рот
 И бессильны - богород - Моисей
 И его небоговидный народ.

Здесь оползень веков...
Здесь памяти предел...
 В полдень бездыханна
 Божова замста -
 Тридцать три бархана
 Ветхого Завета
 Глубь священной сены
 Книгами хранима -
 Ветхая, как стены
 Иерусалима.

Не верь срамному Довековью,
Омытому священной кровью!
 Бесплотной манны сево.
 Ветров духовный сонм.
 И песня Моисеева,
 Тянучая, как сон.
 Заштопаннные парусы.
 Разутые волхвы.
 Дымящиеся ярусы
 Безродной синевы.
 Торговцы, шлюхи, мьгтари -
 Загулы наготы.
 И кровницей омытые -
 И потом перемытые -
 Охранные кресты.

Слеза младенца размыла мир...
 Махнул сияющим платком
 Безумный Ирод...
 И заблужил кровавый ком
 Господних сирот...
 Ты весь в младенческой крови.
 Неправый Боже!
 Я помню: Ангелы твой
 Стенали тоже!
 Земля всю ночь Тебя клыла
 В предсмертных визгах...
 И были Ангелов крыла
 В кровавых брызгах...

Испытай - да испытаем будешь!
 Тишина ползла, не смея
 Вскользнуться гулево...
 Это Бог устами змея
 Нежил сына своего...
 В небе сила зависала -
 Тенево и волево...
 Это Бог устами Савла
 Гнал посланца своего...

Любовью добита Любовь...
 Как любила Христа Магдалина!
 Извивалась под римским плащом -
 Улыбалась похабно и длинно,
 И толкала Иуду плечом...
 А пустыня - в предчувствии чуда -
 Обмирала и куталась в хмарь...
 Как любил Магдалину Иуда!
 Как ласкал Магдалину Иуда!
 Как терзал неподкупную тварь!!

Иуда - тень Христа...
 Гремучей грозницей взвырал Иисус:
 "Что значил без Евы Адам?
 За стон Магдалины - за потный искус -
 Я всех вас предаю и продаю!
 Чиста ли в разбитом колодеце вода? -
 Колодец зашел и протух...
 А жажда придушит: лакай - не беда..."
 Иудина плоть прошептала: "О да!"
 "Умри!" - воспротивился дух.

Распял в себе человека -
Иначе Богом не стать.
 Пригоршни Добра -
 Денежек и слез
 Цева - из ребра
 Из добра - Христос...
 Мора серебра!
 Чаль по гребням! Чаль!

Из творческого досье на Юрия Влодова, поэта милостью Божьей.

Влодов Юрий Александрович.
 Год рождения 1937
 Истинный поэт. Гений.
 Писать стихи начал с 8 лет. В то время
 написано около шести тысяч стихотворений,
 из которых сложилась стихотворная эпопея
 "Люди и боги".
 В годы застоя поэт находился в "подполье".
 Преследовался органами КГБ и МВД. В Союзе
 писателей СССР не был. Изданных книг
 до перестройки не было. В периодической
 печати публиковался мало. Нищенствовал.
 В годы перестройки была издана
 единственная книга небольшого объема и
 тиражи с названием "Крест". В 1992 г. Российским телевидением,
 творческим объединением "Лад" был снят получасовой фильм о творчестве
 поэта "Испытай, Ваше величество...". В 1995 г. киновидеостудия "Человек и
 время" выпустила фильм "А гений - сущий дьявол!"
 Юрий Влодов является величайшим поэтом современности, а его
 творчество громадным вкладом в мировую литературу.

Совершенно секретно

Радость - из ребра.
 Из добра - печаль.

Грядет Учитель - Рабе - Равви -
Наш судия в Господнем Праве!..

Каторжная жизнь - есть шизь.
 Лучше не ершишь! - цыц, люди!
 Божескую власть пей всласть...
 Ах, какая сласть в том блюде!
 Грест землю кобр клубок...
 Рабе - на осле: "У-у! - я вам!"
 Если Дьявол добр, он - Бог.
 Если Бог - во зле, Он - Дьявол.

Друг друга предади...
И - сразу легче стало.

Иуда - горяч и смугл -
 Шагал из угла в угол...
 Шагал из угла в угол...
 Терзал запотелый ус...
 А мысль долбила по нервам.
 "Суметь бы предать п е р в ы м!
 Успеть бы предать п е р в ы м.
 Пока не предал Иисус!"

Туманна тропа Бытия...

Иешуа Ха Машиах!
 Славянский Бог!
 Пучина ада - в двух шагах.
 А сон - глубок.
 А Божий ослик, мул, ишак -
 Скользит во мгле...
 Иешуа Ха Машиах! -
 Не спи в седле!

Вся скукожена сия земная быть.
Ближе к Богу.

Ближе к Богу, стало быть.
 На трех крестах, но не на трех китах,
 Живет земля.. Божественно бесцветье!
 Вот Он - Христос - наш неуспынный страх -
 Разбойнички, ушедшие в бессмертье,
 И вместе с ним пришедшие в бессмертье,
 Как на ходулях, на кривых крестах...

Бог склонен к

жертвоприношенью...
 Не спится той осине
 От шелеста и гуда,
 Все думает о сыне -
 По имени Иуда.
 Не он ли шел на муки,
 Вдохнув святого чада -
 Божественной науки
 Помеченное чадо?!

Плачу, - значит - плачу...

Иудейский Спаситель Иуда
 Подвывает в пещере... А гряда,
 Словно сбитых с Луны, валунов -
 Это лежбище каменных снов...
 И несмертный, как рок, ветерок
 Только прахом взывает оброк...

И жизнь божественна, как
смерть...

А в храме наместницы Марфы -
 В купели моленной истомы -
 Дышали и гусли и арфы -
 Души Христовы...
 Пришел - изувеченный с хромью, -
 Безродное дивно-диво,
 Обрызгал дымящейся кровью
 Крест и кадило...
 Не ведаю - черен ли, рус ли
 Был гость ясновидящей Марфы,

Но пели и арфы и гусли! -
 Гусли и арфы!..

Создатель - ребенок,
дарящий цветок мачехе-жизни...

Из райских волшебных недр
 Пустой ниспадает куб.
 Рай в небесах - шедр.
 Рай на земле скуп.
 От ангельских крыл горяч
 Души сатанинской склеп.
 Рай в небесах - зряч.
 Рай на земле - слеп.

То ли - облак, то ли - парус,
То ли - рубище Христа...

Путь Господен - в крови и золе, -
 Царство кривды и блуда.
 Два еврея прошли по земле -
 Иисус и Иуда.
 Путь Господен былшем подзарос
 В лабиринтах Талмуда.
 Крупной тенью маячит Христос.
 Мелкой тенью - Иуда.

Март лихорадит Природу...

Глаза отмоет плес,
 Самцом подвоет пес.
 По швам пойдет бесовствующий наст.
 Как много Божьих слез
 Весной слетает с лоз! -
 Больной Господь оплакивает нас.

Гениальность - твоя и моя -
бумерангом заброшена в небо...

Под колыбельный рокот гроз,
 Под хоры ангельских томлений,
 Ночными молниями грез
 Играет гений! -
 Угодный сердцу и уму,
 Он режет Время звукорядом...
 И Демон ластится к нему...
 И Ангел - рядом...

На поэтическом Олимпе -
всемощный Дьявол в Божьем
нимбе...

Стихоблуд - Фортуны брат меньшей -
 Заблудыжил у Господних всхолен, -
 Запаривел телом и душой,
 Сразу стал Антихристу уголен.
 Распустился хищный светоряд
 Парусами адского фрегата...
 О поэте в храме говорят:
 "И душа - рогага!"

Запродал душу Богу...

Набухли вселенские дрожжи.
 Все месится тесто.
 Покинь крестовину, о Боже! -
 Отдай мое место!
 Я тоже гвоздями изранен.
 И - отступа нету...
 Будь шедр, Иисус Назарянин! -
 Дай место поэту!

Бессонница-бесовница -
Сестра бессмертья...

Чу! - выползает из меня
 Ночного гения змея, -
 Томительное жало
 Землянам задолжало...
 В людские - вспаханные - сны -
 Подлунным выблиском блесны -
 Вошло дыханье ада -
 Святая капля яда...

Межгрозовой просвет -
Стопы Господней след...

Золотые змеи молний
 Испластали паству ада...
 А дождишко богомольный
 Все плетется вдоль посада.
 Все плетется вдоль посада -
 Ничего ему не надо:
 Ни иудиного сада,
 Ни Божественного ада...

Краеугольный Камень Претковенья -
Иудов крест...

Ишь, прижали
 В сетях погонь! -
 Все скрижали -
 Сплошной огонь!..
 Ишь, приперли -
 Горбом к себе! -
 Крест - на горле
 И - на судьбе...

Роди меня заново, Смерть!..

Я б дошел до точки.
 Я б сошел с ума.
 Но дошел до дочки, -
 Сушится сума!
 Затаясь по-волчьи
 И суму суша,
 Осязаю молча:
 Теплится душа!

Дух муками врачей!..
Смерть смертью попирай!..

Провис на адском крюке.
 Очнулся в Божьей палате.
 Чу! - Ангел с пикой в руке...
 Чу! - Демон в белом халате...
 Славянский махонький жид
 Снует во мне и не тужит.
 А Муза - ведьмой кружит -
 Живой Ангелицей кружит.

Богобоязнию - Дьяволу воздашь!..

Купол разума золотом крою,
 Как в славянских церквах.
 Окропляю языческой кровью, -
 Что сокрыто в словах.
 В царства Божья ведут бездорожья -
 Сквозь пески и моря.
 И созвездье ночного безбожья -
 Есть молитва моя.

Вышняя воля - темница!..

Ни пища не значим.
 Под ногами - скать.
 Можно ли незрячим
 Истину сыскать?!
 Коли жизнь отлога,
 Не сходи с ума, -
 Мы и есть - от Бога -
 Истина сама.

Проснулся - закричал... -
Над ним стояла Жизнь!..

По-вороньи пархат
 Наших душ грай, -
 Через жизнь - через ад -
 В рай! - в рай!
 Но кипит - аж за край -
 Божьих слез град...
 Через смерть - через рай -
 В ад! - в ад!

Где гений - там и Бог...

В двери - скреб-скреб. В окна - тук-тук.
 "Лев Николаич! К заутрене не пройдет?"
 Вскочил босиком и гаркнул, как старый петух:
 "Да стинь ваша церква в лошащем помеге!"
 В храме ханжи молитву зудят назубок...
 Поп - спохмела - изрыгает акустику чрева...
 А в графской камере - двое - Толстой и Бог.
 Оба - босые! Всколоченные от гнева!

Разгулялись Боговы рабы
на поминках собственной судьбы...

Энергия большой, истерзанной страны...
 Монашеская скорбь славянского астрала...
 И судьбородный зрак седого Сатаны, -
 Ленца священных крыл, церковный звон забрала...
 Христос тропу открыл... Иудушка - сокрыл...
 И Жизнь поправа след... И Смерть его вобрала...

Чрево матери - Божий приют...

Луна золотистой тесьмой
 Сквозит над иудиным садом...
 "Кто чрево покинул, тот - м о и!" -
 Так выдохнул Сатан...
 Смутьитель небес и морей -
 Он горло земле запрокинул...
 Но лона земных матерей -
 Никто не покинул!

Глава 1.

Черная Дума или Ангельский валет

Отца всех бесов называли звучным именем - Дьяво! /По желанию можно добавить и "л" на конце/. Дьяво сидел у себя в Поднебье и обдумывал очередное "черное" дело против Бога, людей и светлоликих, то есть, ангелов.

По сведениям, полученным от личного советника Дьяво колдуна Зямы, Бог собрался послать на землю трех светлоликих, для того, чтобы они, вселившись в души особо избранных людей, показали, что добро и справедливость в мире все-таки, существуют, что мир подвластен пока что ему, Богу, но никак не супротивнику его - Дьяво. Ход был весьма серьезный и Дьяво никак не устраивало оставаться в проигрыше или просто в бездействии в этом вопросе.

Дьяво собрал всех своих советников из Черной Думы в черной зале и все вместе стали размышлять, как испортить очередную Божью задумку. Напрямую в Божьи дела они вмешиваться не могли, а вот устраивать какие-либо косвенные козни, в особенности на земле, - это другое дело.

Советники усердно думали. Их было 11. Дьяво из принципа сделал количество советников в 11 единиц, а не в 13, как предполагалось. Число 13 уж так поднадоело и навязло в зубах, не меньше, чем черные кошки, что Дьяво очень редко использовал его в своих делах. Ведь 11 тоже являлось его, дьявольским числом, но почему-то было незаслуженно забыто и Дьяво решил воздать ему должное. Итак, советников было 11.

Первым советником являлся колдун Зяма. У Зямы были, правда, другие прозвания, а именно: Черный Праведник, чернейший и пр. Зяма не только колдовал, но и занимался сбором информации, которая являлась потом основой для ведения всех дьявольских дел. В Думе находились также гадалка Виринея, астролог Фукс, ведьма Амалия, философ Квентис, волшебник Лин, кудесница Софья и тому подобные личности. Для поддержания традиций пригласили черную кошку. Но Дьяво, как известно, особо следовать традициям не любил, поэтому он выбрал такую кошку, у которой под хвостом имелось небольшое белое пятнышко.

Никто об этом не знал, а сама кошка особо хвост не задирала. Так благополучно и числилась в Думе. А Дьяво, всякий раз глядя на эту кошку, испытывал особую, тайную радость: вроде и традиции соблюдены, но, все-таки, он, Дьяво, хоть немного, но им всем напроотиворечил - кошка-то с изъяном.

Советники думали уже довольно долго, но никто не решался начать.

- Кто-нибудь что-нибудь может сказать по данному вопросу? - произнес начавший терять терпение Дьяво. - Так ведь можно и до скончания времен просидеть!

- Предлагаю сперва бросить карты, - отозвался Черный Праведник, - ну, то есть, погадать. Нужна дополнительная информация.

- Погадать так погадать, - согласился Дьяво, - пойдя сюда, Виринея.

Гадалка подседа ближе и заверещала злоещим шепотом:

- Червы, бубны, пики... Вижу все, вижу...

- Что видишь, что? Говори скорей! - заволновались присутствующие, обступив ее.

- Вижу я при поздней дорожке, - продолжала гадалка, - три валета красной масти... Тут им препятствие в дороге - восьмерка пик!

- А третий валет какой масти будет?! - изумленно выкрикнул колдун Зяма.

- Третий то - бубновый.

- Ну а второй и первый? - не унимался чернейший.

- Второй и первый, - червы, - спокойно ответила гадалка.

- Неправильно все это! - с жаром возразил Зяма. - Не бывает двух валетов одной масти!

- Не бывает-то не бывает, так вот - есть! - запальчиво крикнула Виринея.

- Как это - есть? Что значит - есть? Что за шутки? - закричали черномудцы.

- Что же это ты, Виринея, карты передегиваешь? Думаешь, управы на тебя нету? Ну-ка признавайся, откуда взялся второй червонный валет? Из другой колоды добавила? - попытались докопаться до истины советники.

- Ничего я не добавляла, он сам откуда-то появился, - оправдывалась Виринея. - Я - честная гадалка и в такие игры не играю.

КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

КНИГА 1. ДЬЯВО

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

попадут на земле не туда, куда им нужно, а как раз туда, где меньше всего предполагали бы очутиться. Тогда посмотрим, как им удастся выполнить свои дела!

- Верно! Вот это здорово!

- Надо попробовать! Стоит рискнуть.

Таким образом, их миссия вообще может быть нарушена и мы здесь будем вроде бы - не при чем, - подвел итог Дьяво.

На том и порешили.

Глава 2

Черная Кити или Перебежчик

Наконец, наступил день и час спуска светлоликих на землю. Ангел Милосердия, ангел Честности и ангел Чистоты заканчивали последние приготовления. Приготовились, как известно, и бесы. Черная кошка, а попросту Кити, с возложенной на нее сверхдьявольской задачей сидела у небесной дороги, притаившись в кочкой.

И вот вдали послышался тонкий свист, который, разрастаясь, превращался во все более ужасающий рев. Земля Поднебья задрожала у Кити под ногами мелкой дрожью. Три маленькие светлые точки, показавшиеся в конце дороги, стремительно приближались, превращаясь в ослепительно яркие шары. Шары неумолимо приближались, обдавая Кити жутким жаром. Казалось, еще немного и ее шерсть начнет дымиться. И в самом деле, запах паленой шерсти. "Так ведь можно и заживо сгореть!" - с ужасом подумала Кити и, не помня себя от страха, рванула через дорогу, прошмыгнув почти что под ногами у светлоликих.

Загрохотало. Завизжало. Задергалось. Шары стали уклоняться с дороги.

- Черт побери! Кто тут путается под ногами! - раздался громогласный возглас.

- Мы потеряли направление! Я не вижу дороги! - вмешался второй.

- Я заметил под ногами что-то черное! - прокричал третий. - Наверное, мы задавили кого-то из чертей!

- Какое несчастье, если задавили, - начал сокрушаться второй. - Нам не положено давить даже черномазых!..

Нашел о чем сожалеть! - сказал первый. - Черт бы с ними, с чертями! Лучше подумайте о том, куда мы теперь попадем, - дорожка-то пропала!..

Голоса и сияние ангелов стихли вдали. Кити с трудом встала на ноги. Шерсть еще тлела и она заковыляла к близлежащей канаве с водой, чтобы окунуться. К ней с о всех сторон спешили наблюдатели, обмениваясь между собой впечатлениями от происшедшего.

- Ну и Кити! Здорово как виганула!

- Надо же, какая смелая, прямо под ноги!

- Даже шерсть свою не пожалела, бедняжка!

Дьяво поприветствовал Кити прямо из воды.

До поры до времени он был в образе котятки.

- Объявляю тебе благодарность, киска, и дарю новую шубу, своя-то в негодность пришла!

- Дьяво бросил кошке новую, только что сотворенную шубу. - Иди, переоденься! Да не бойся ты, не растает! Когда от все души твою у меня получается по-настоящему!

- Дьяво сверкнул глазами:

- Ну теперь у них действительно все пойдет

- наперекосяк!

- Откуда же он мог взяться? Хи-хи! продолжал изводить гадалку чернейший. Нарисовался? Материализация из воздуха? Фокус-покус? А может, ты в кудесницы переручилась, чудеса начала городить?..

- Она уже не в первый раз жульничает! - завопила ведьма Амалия. - Мне вон на прошлой неделе гадала, так у нее четыре пиковых дамы откуда-то появились. С тех пор у меня неприятностей - по самую макушку!..

- Обыскать ее надо! - предложил кто-то. - Мне думается у нее везде лишние карты понапиханы.

- Крапленые! - крикнули откуда-то сверху. - При чем здесь крапленые? - возразила Виринея. - Крапленые для игры используют, а не для гадания!

Гадалку, все ж таки, обыскали. Ничего лишнего при ней не оказалось. Она после такого унижения начала обижено шмыгать носом, но подозревать ее все равно не перестали. Заодно пересчитали и колоду карт: их оказалось ровно столько, сколько и нужно для обычного гадания - 36. Это при всем при том, что второй червонный валет тоже был в колоде. Такое положение вещей всех озадачило, ведь при счете должно было оказаться 36 карт, но их все-таки было 37, как не считали.

- Мне кажется, я кой о чем догадываюсь, - в напряженной тишине черной залы вдруг вымолвил философ Квентис, - это ангельский валет!

- Как так - ангельский?! - ахнули собравшиеся.

- Ну мы ведь на ангелов гадаем, а ангелы не могут быть темной масти, - закончил свою речь Квентис.

■ - Может, и вправду она не виновата, может так оно и есть - валет-то - ангельский! - заговорили черномудцы.

- Н - да! - мрачно произнес Дьяво. - Ну и заморочила ты нам голову, Виринея. Гадаешь сегодня больше не будем. Темное, однако ж, это дело, даже при наличии ангельских валетов.

Опять наступило молчание.

- Есть еще какие-нибудь соображения? - спросил Дьяво.

Но никто не решался говорить.

- Мяу! - подала, наконец, голос черная кошка. - Предлагаю перебежать им дорогу. Тогда уж им точно пути не будет, все пойдет наперекосяк.

- Дорогу!.. Дорогу!.. - загалдели вокруг. Нашла, что предложить. Старо, как мир, ничего интересного.

- Старо, зато надежно, - проворчала кошка, сворачиваясь в клубок.

- Между прочим, идея неплохая, - подхватил предложение кошки Дьяво, - хоть и не современная. Но в данном случае нам ничего другого не остается. Кошка - она кто? Животное. Ходит, где ей вздумается, гуляет сама по себе. Почему бы ей не прогуляться там, у небесной дороги, и как бы ненароком ее перебежать?

- А что нам это даст? - спросили советники.

- Как это - что? - ответил Дьяво. - Проход кошки спутает траекторию их судеб и они

Из творческого досье на Людмилу Осокину, поэтессу и прозаикессу.

Владова Людмила Михайловна, литературный псевдоним - Людмила Осокина.

Год рождения - 1960 г.

Писать стихи начала с 18 лет. За все время написано около ста стихотворений. Стихи, в основном, лирические. Большинство из них опубликовано в периодических печатных журналах "Клуб", "Сельская молодежь", "Юность", в газетах "Вечерняя Осква", "Московский комсомолец", "Тудок". В 1996 году Издательский Дом Русанова выпустил небольшую книгу стихотворений Людмилы Осокиной под названием "Природное дыхание..."

Три года назад поэтесса решила попробовать себя в прозаическом жанре. Примерно за полтора года была написана первая книга романа "Козел отпущения". В романе затрагиваются взаимоотношения Бога и Дьявола, делаются попытки найти причину мирового зла.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Глава 3. "Казнь" негодяя или Не убивай!

Ангел Милосердия, этой ночью спущенный с небес на землю, попал не в душу Добродетельного человека, как поначалу предполагалось, а в душу городского палача. Может быть, палач был добрым и гуманным, однако должность у него была совсем немилосердная. Палач этот прозывался Мико и жил он со своей женой Нелиной в небольшом собственном домике на окраине одного городка.

Нелина, как всегда, разбудила мужа на рассвете, так как вскоре должна была состояться казнь очередного негодяя.

- Эй, Мико! - теревила она своего, не в меру разоспавшегося супруга. - Пора вставать, завтракать да и на работу идти. Ты говорил вчера, что нынче будешь пьянчугу Вячика казнить.

- Давно пора, - продолжала бормотать себе под нос Нелина, - уж по нем, по душегубцу проклятому, топор плачет. Это ж надо, до чего допиться, что жену свою придушить, за то, что похмелиться ему не дала.

Мико, а теперь уже и не Мико вовсе, а наполовину почти что ангел, просыпался в этот день с душой новорожденного младенца, не понимая еще, кто он такой и что от него, собственно, требуется.

- Я никогда не был душегубцем, - бормотал он спроне, - никогда! Я - ангел Милосердия! - Да не ты душегубец, не ты, - успокаивала его супруга, а Вячик, а ты его сегодня должен будешь казнить...

Мико, наконец, проснулся окончательно и сел на кровати с расширенными от ужаса глазами:

- Кто? Я должен его казнить? Ни за что. Никогда. Что я, изверг какой, чтобы убивать человека?!

Нелина отшатнулась от него и побежала на кухню принести смоченное холодной водой полотенце, чтобы приложить его ко лбу Мико, думая, что тот переутомился от такой тяжелой работы и спроне бредит.

- Все будет хорошо, кормилец ты мой, - говорила она вполголоса, прикладывая ко лбу Мико полотенце, - все будет хорошо. Казнишь ты этого изверга в два счета. Я и топор тебе вчера отточила, пригупился он у тебя малость, а теперь - сечет, как молния. Сейчас я тебе его принесу, попробуешь на палец.

Мико, с поселившимся в нем ангелом Милосердия, о присутствии которого в своей душе он и не догадывался/, содрогался от каждого слова, сказанного Нелиной, а когда она произнесла, что принесет ему для пробы топор, он и вовсе пожелал вознестись вместе с ангелом на небо. Ему не хотелось быть соучастником таких страшных дел, но - увы! - это было пока невозможно. Поэтому палач взял, наконец, себя в руки и лихорадочно стал искать выход из создавшегося положения.

Тут его осенило, что для того, чтобы казнить принародно этого самого пьянчугу и изверга Вячика, совсем необязательно его убивать. Нужно просто инсценировать казнь, чтобы все

присутствующие подумали, что Вячик казнен, а на самом деле и не притрагиваться к нему вовсе. У Мико в кладовой сохранился еще достаточный запас прошлогоднего вина. Вино было темно-красного цвета и при казни вполне могло сойти за кровь казнимого, которую Мико уж ни в коем случае не хотел проливать. Палач попросил жену принести ему один бурдюк с вином, якобы для того, чтобы угостить после казни одно высокопоставленное лицо. Уложив бурдюк в свой заплечный мешок, Мико зашагал по дороге. Его беспокоила еще одна мысль: как объяснить такое неожиданное милосердие своей жертве.

Вячик дрожал от холода и страха, когда палач распахнул тяжелую дверь камеры, где тот был заперт.

- Что, боишься меня?! - захохотал Мико. - Бояться надо было раньше, когда жену свою душил! А сейчас - боись не боись - конец один! Вот так-то, голубчик мой! - громко говорил Мико, так чтобы слышали стражники, стоящие за дверью. Но, подойдя к Вячику поближе, прошептал:

- Слышь ты, доходяга, жив останешься сегодня. Не буду тебе голову рубить...

- Как так?! - изумился Вячик.

- А вот так! Добрый я нынче очень, потому и милую тебя.

- А как же... - начал было Вячик.

- Что - как же? - перебил его Мико. - Казнь, ты хочешь сказать?... Казнь я тебе организую самую что ни на и есть - распрекрасную - закачаешься! Но ты не переживай! После казни ты будешь цел и невредим, как огурчик с грядки.

Пьянчуга с сомнением покачал головой, отглядев себя. Он представлял не очень-то привлекательное зрелище.

- И - эх! - произнес он с досадой. - И на что мне такая жисть, если выпить не на что!

- Вот неблагодарный! - возмутился Мико. - Я ему жизнь дарю, а он мне за это и спасибо не хочет сказать!

- Жисть - она всякая бывает! - со вздохом сказал осужденный. - Иную и даром не возьмешь! Ну да ладно, согласен я помириться, все ж таки своя голова - не чужая, что ж ее раньше времени-то лишать?

- Вот то-то! Уразумел, наконец! - проворчал Мико. - Поднимайся, иди нам уже пора. Ждет народ твоей кровушки...

- Эй, стража! - крикнул он в коридор. - Сопроводите заключенного к месту казни.

Вячик нехотя направился к выходу. За дверью два стражника присоединились к нему и, не отставая ни на шаг, повели его на площадь.

Народу собралось довольно много. Городская площадь шумела, как штормовое море. Вячик взбрался на помост и сам не зная, почему, поклонился собравшимся. Народ заулюлюкал.

- Смотри-ка, он еще и кланяется! Как в цирке, ребята, ей, ей!

- Эй, ты! Шут гороховый! Тебе сейчас голову отрубят, а ты кланяешься тут! Лучше бы помолился напоследок, изверг! Глядишь, Господь и простил бы тебя!

- Что ж! И помолюсь! - в сердцах вымолвил Вячик, грохаясь на колени! - Помолюсь, пропади вы пропадом!

Пока Вячик молился, стучаясь лбом об доску, Мико приготовил место казни, укрепив на нем бурдюк с вином и прикрыв это место рогожкой. Закончив молиться, Вячик подошел к палачу и покорно положил свою голову в предназначенное для нее место. Приглашенные на казнь барабанщики стали выбивать на своих барабанах предсмертную дробь, а Мико занес высоко над головой свой топор, думая в этот момент только о том, как бы не промахнуться и опустить топор точно на бурдюк, а не на вячикову голову. Дробь достигла по силе своего апогея, когда палач со всей силы рубанул по бурдюку с вином, положенному рядом с

головой казнимого. Эффект казни получился великолепным! Вино брызнуло фонтаном во все стороны. Народ ахнул. Крик восхищения и ужаса пронесся по толпе.

- Надо же, сколько крови у этого пропойцы! - заметил стоящий неподалеку старичок. - Кто б мог подумать!

- Кровопивец, вот кто он такой! - отозвалась одна бабуса. - А ты спрашиваешь, милоч, откуда кровь-то у него? За всю жизнь, небось, насосался!...

- Это Вячик-то кровопивец?! - возмутился какой-то мужик. - Да он сам еле ноги таскал! Кровопивец!... Тоже мне, скажешь, бабка...

Бабуса с осуждением поджала губы и поспешила отодвинуться.

В это время со стороны помоста дохнул легкий ветерок и стоящие вблизи уловили отчетливый винный запах. Народ заволновался.

- Вот пьянчуга! Допился до чертиков, даже кровь вином пропахала!

- У Вячика вместо крови - вино! - пронеслось по толпе. - Вино вместо крови!...

- Так как же с вином-то не быть! - заговорила стоящая в толпе толстуха Настя. - Он у меня позавчера из погреба целую бутылку наливки упер! Вот она где теперь, моя наливочка-то! - добавила она причитая.

- Уватай подойник и педи свою наливку, пока лететь! - крикнул кто-то. Вокруг захохотали.

Известие о том, что у казненного Вячика вместо крови оказалось вино, сильно всполошило присутствующих на казни и еще не привлеченных к такой суровой ответственности местных пьяниц. Некоторые из них полезли под помост, желая испробовать на вкус кровь казненного собутельника и думая о том, что не пропадать же добру. "Кровь" еще щедро стекала сквозь дырки в помосте и пьянчуги получили несколько блаженных минут, поглощая ее.

Превосходная кровь! Пальчики оближешь! - весело отвечали они на вопросы любопытствующих горожан. - А на вкус - так чистое вино. И не отличишь!

Горожане стали оживленно обсуждать между собой происшедшее событие. А Вячик, лежащий под грязной рогожкой и ничуть, как известно, не казненный, испытывал в этот момент адские муки. Ему тоже так хотелось испить собственной "крови", что у него даже в горле пересохло от желания. Он, конечно же, догадался, что палач для его спасения пожертвовал огромным количеством первосортного вина. Но для Вячика это было совершенно невыносимым: знать и чувствовать, что рядом с тобой льется рекой превосходное вино и не мочь его испить - что может быть ужаснее! Скорее всего, казнь Вячика все-таки состоялась, правда не физическая, а душевная. Но это то было хуже всего, так как удар пришелся точно в цель. "Уж лучше б казнили меня, чем так издеваться!" - со смирением вконец измученного человека подумал пропойца.

А Мико, очень довольный тем, что ему так ловко удалось инсценировать казнь, не убив человека, подошел к рогожке, под которой лежал еле живой от страха и желания выпить Вячик, схватил его своими огромными ручищами за ноги и вместе с рогожкой швырнул в дрожки с сеном, предназначенные для трупов казненных, чтобы везти их к месту погребения за город. Как будет потом почти казненный Вячик выбираться из этих дрожек или из могилы его уже не интересовало. Он, Мико, сделал свое дело, он его - не убил!

Продолжение следует

ЮРИЙ ВЛОДОВ

К иудейке юной -
Деве многолучной -
Низошел Господь! -
Небесам - подмога:
Понесла от Бога
Девственная плоть -
А Иосиф-плотник,
Семьянин, заботник,
Ближний мужний пол -
Головой качает -
Деву уличает:
Обманулся, мол!
Нет у Девы мочи:
Воздымает очи
В облачную бель,
Вознесется Дева
В млечный плеск напева -
В песню-колыбель...

ПЕСЕНКА ДЕВЫ

Сыты, сыты мы от неба
Божьей млечной пищей.
А земной воды и хлеба
Даст убогий нищий,
Боголюдной жизни полдень
Полон вещей силой.
Спи во мне, цветок Господень,
Иисусик милый!
Нежный стук небесных сходен
Чувствую под кожей.
Спи, бездомный Сын Господень,
Голубенок Божий!
Набух пустынный закат. Сипло
чихали и кашляли песчаные сквозняки.
"О-о! - Хотел подумать Иисус, но

поленился. - О-о! От священников
несет, как от падали. А еще -
служки Всевышнего!"

Топчими песками -
Ловчими тисками -
Сдвинуты века.
Что пустыне снится? -
В небе колесница -
Гул огневика -
След змеевика.
Хожий Божий ослик -
Темнокожий ослух -
Слушает к зиме:
То ли это гуси,
То ли это гусли
Молятся земле?!
Как неотдалимы
Звезды от долины
В духоте сенной,
Так неотдалимы
Песни Магдалины
От любви земной...

ПЕСЕНКА МАГДАЛИНЫ

Любит женщина от века -
Глубоко-глубоко -
В каждом Боге - человека, -
В человеке - Бога!
Падшей женщины молитва
Ангелом убита,-
Ключевой слезой полита
И тоской увита.
Извелась молитва, стена! -
От высот Сивая
Немота ползет земная,
Глухота земная...

Иисус сонно толкнул осла носком
сандалии: "Ну ты, демонское
семя. Пошел от меня. Пошел. Глаз
у тебя - человеческий."

Если Богу худо,
Значит - жив Иуда,-
Чахнет белый свет.
Никнет Божье Слово.
И цветет полова,
А не маков цвет.
Засыхают сучья.
Вьется нота сучья -
Выше птичьих гнезд.
Сквозь ягтячи ключья
Всходит нота волчья -
До безумных звезд...
Блуд копытит землю.

Льнет Иуда к зелью -
Абы кто поднес,-
В котловине блуда
Все бубнит Иуда
Сам себе под нос...

ПЕСЕНКА ИУДЫ

Дьяволица месит тесто,
Где клубятся слизи.
Нам - двоим,- Учитель, тесно
В ненасытной жизни.
Зажжены не совьи очи -
Это очи ночи!
Сплетены не ветви сада -
Это тени ада!
Катит зла тугое тесто -
На Господне место.
В Гефсимане - ой, как тесно!
На Голгофе - тесно!..
Заурали гиены, захихикали шакалы.
Близилась младшая дочь Дьявола по
имени Ночь. "А-а! - Застонал не
спасенный Спаситель. - А-а! - не мучь,
исчадие Эдема! Моя сила - в слабости.
А-а!"

Злато - у Пилата.
И - ума палата.
Властвует Пилат!
Скинул на пол тогу.
Лег затылком к Богу
Во глуби палат.
У Сиона - злато, -
не ума палата, -
Глуп и жаден он.
Зная жадность ону,
Все отдай Сиону! -
Все возьмет Сион!
Люд, - как дикий пламень, -
Пущен в Бога камень, -
Голь восславит боль.
От Господней боли -
Больше мощи в голи, -
Беспощадна голь...

ПЕСЕНКА СВИДЕТЕЛЯ

Были сказочные были -
В судьбы билем били.
В долгих сказах Боги были, -
Антибоги были.
Пышут звезды - глухо, немо, -
Скудные сошветья.
Облегают Божье Небо
Блудные столетья.

СКАЗОЧНАЯ ПОЭМА

Две души Земли-блудницы
Ждут своей юдоли.
Только пыль от плащаницы
У слепца в ладони...
Луна явила свое лицо - лицо
покойницы. Сквозняки пустынь, как
псы, жались к ногам Ночи. "Никакой
боли. - Беззвучно смеется Иисус. - И
гвозди - не помеха. Тоже мне! - нельзя
пошевелиться! А зачем шевелиться?"
В кабале-свободе -
В дальнем небосводе -
Звездные бега.
Над ловушкой Нила
тянут мысль уныло
Демоны-века.
Душу плотью стисни! -
Святость - вместо жизни,
Лики - вместо лиц.
Ангельская манна
Хлопьями тумана
Ниспадает ниц.
Бездны самоцветья.
Ангелы-столетья.
Демоны-века.
Песня жизни спета.
Но кончина света -
Так же далека...

ПЕСЕНКА ПОЭТА

Мы - двуногие улитки -
Ждем паденья света.
Над землей витают слитки
Божеского света.
Мы - двухцветные амебы -
Биты Божьей лупкой.
Наша жизнь уходит в зобы
Голубка с голубкой.
Мы - двуликие системы
Вечности и тлена.
Наши темы - это темы
Собственного плена...
Слезка колынулася чисто
плотницкая мысль: "Не могли глаза
вытесать плаху Ленивцы. И слово-то
какое - "лю-ди!"
Над молебном Пасхи -
Колокол огласки,
Неба млечный плес.
В иудейской сказке -
Столько Божьей ласки -
Сколько Божьих слез...

ПЕРВОСВИДЕТЕЛЬ

(фрагменты из эссе)

В "Библиотечке" журнала "Юность" вышла
книга "Крест" Юрия Влодова.

Юрий Влодов — поэт-скиталец. Рыцарь
поэзии. Он скитается, странствует блаженно и
хмельно среди друзей, врагов (не различая, впрочем,
их от великой любви), городов, жен, любовниц,
детей, учеников и учителей. И среди завистливых
поэтов!.. Когда с ним общаешься, - чувствуешь,
что имеешь дело скорее с Духом, чем с плотью...
Он смотрит сквозь тебя куда-то вдаль...

Быть может, он великий, безвестный,
катакомбный поэт!

Его не печатали при коммунистах, не
печатают (почти!) при демократах.

Истинных поэтов не любит всякая власть.
Но более всего их не любят сами поэты и
графоманы! Они-то и создают великие и тайные
плотины на реках поэзии.

Они-то и не пускают в одинокое жилье -
быть поэта блудную госпожу Славу.

Но! Главные скитанья поэта Влодова — это
скитанья между Ветхим Заветом и Новым
Заветом! Когда его кличут от Стены Плача иль
из Великих, осыпчивых библейских пустынь его
верблюжьих, иудейские, многогранные,
многомудрые предки — он уходит в скрижали
Ветхого Завета и тонет в неистовых песках! (Я
вспомнил чью-то строку: "Верблюд — двугорбый
знак песчаного Потопа!")

Когда его нежно и тонко кличут из забытых
иль полузабытых восточных поговорок его русские

предки, бездонно кроткие заволжские старцы -
мудрецы — он тонет в лучезарных снегах, в
которых вечно и свежо (увы!) стоит Крест
Христа, ослепшего от снега, которого Он —
Христос — иль вообще не видел, иль не видел в
таком свирепом изобилии...

О поэт! Божий странник, скиталец,
кочующий меж двух Заветов!

Вот только что он брёл в пустыне с
Моисеем и покушался на диалог с самим
Господом!.. И вот он — первосвидетель страшного
Распятия.

Всё — скрестилось...

И Спаситель поднял голову,
Желчным оком разжигая произвол.
Как секирой по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провёл. —
"Разве истина — в кровавой человечности?!
Ха! — явились на позор, как на парад!.."
И тайлось в предвечерней лунной млечности
Ухо Богово — округлый аппарат...
Покатилась иудейская История
Каплей крови по Господнему ребру...
И — похожие на пепел крематория —
Пейсы старцев трепыхались на ветру...

Грозная мощь Ветхого Завета соединяется
вдруг с пронзительной нежностью Нового Завета:

Когда Господней смерти лапа
Меня потащит в рай,
Проснется дочка: "Папа! Папа!
Я - здесь! - не умирай!"

И заскулит в ночи - спросонок, -
Заголосит во тьму —
Моя травинка, мой ребенок,
Не нужный никому...

Классический читатель скажет, что хмельная
Муза иной раз уносит нашего поэта в дебри ереси
и дьявольщины.

Но кто из поэтов не бродил там? Иль Данте
заживо не был в аду?

Иль Гете не беседовал с Сатаной? Иль
Булгаков не общался?..

И вот чеканные, магические, трагические
строки Юрия Влодова преобразуют даже блатное,
рваное слово в высокий, небесный, Божий Глагол.

Так розовый куст преобразует навоз в розу.
Юрий Влодов создает свой миф о Моисее, о
Христе, о Божьем замысле и промысле.

Таков сладкий и страшный удел трагических
поэтов... Они хотят быть первосвидетелями
главных событий в жизни человечества.

Они, гордецы, хотят говорить с самим
Господом, минуя Пророков...

Иль из такого теста, из такой вопиющей
глины Господь и лепит их, лепит своих Пророков
— апостолов, прорицателей, поэтов?.. Кто знает...

Но вот перед нами такой поэт!
Послушаем его новые гимны...

Быть может, их лучше бы было высекать на
камнях и скалах, а не на брэнной бумаге...

Тимур Зульфикаров.

Центральный Дом литераторов

ЧАСТЬ 2. КЛУБ ПИСАТЕЛЕЙ.

Как привлекательно для молодого писателя выглядел раньше, в годы застоя, ЦДЛ. До получения заветной красной корочки членского билета Союза писателей было еще далеко, а посетить Дом литераторов хотелось, потому что именно там бурлила сверхчуждая писательская жизнь, там можно было увидеть и познакомиться с литературными кумирами. Да и сама атмосфера Дома, насыщенная творческими флюидами, манила, притягивала. Но войти в ЦДЛ можно было только по вышеупомянутому красному удостоверению членом Союза СП СССР или по неизвестно где распространяемым пригласительным билетам. Но тогдашняя безумная творческая молодежь умудрялась как-то добывать эти самые пригласительные или просто каким-то чудесным образом, без всяких удостоверений и пропусков /наверное, сквозь стены/ проникать в заветное заведение. А потом, долгими будничными днями и ночами, наслаждаться впечатлениями, полученными от посещения. Да, это было тогда. Как будто в ином, уже прошедшем, недостижимом и потому золотом веке.

Сейчас все по-другому. Произошли изменения в стране, в мире, коснулись они и Центрального Дома литераторов.

В первую очередь, не стало единого и единственного Союза писателей СССР. Не то, чтобы он исчез, распался, нет, просто он стал одним из многих творческих союзов, ведь официально признанных писательских союзов сейчас 6: два международных, два российских, два московских. Кроме того, внутри союзов появились всякого рода образования по жанрам, направлениям, интересам: например, ассоциация детских писателей, ассоциация женщин-писателей, ассоциация независимых писателей и т. д. Поэтому, в связи с таким многообразием при ЦДЛ решили организовать Клуб писателей, в который имеют право вступить представители всех вышеперечисленных творческих союзов. Клуб писателей, таким образом, - это организация, которая объединяет писателей из этих творческих образований. Писатели вступают в Клуб, платят взносы. Одним из руководителей Клуба является директор ЦДЛ Владимир Акимович Носков, который занимает должность директора вот уже более 10 лет. Сам он ни в одном из союзов не состоит, чтобы быть беспристрастным.

Клуб писателей проводит большую клубную работу в Центральном Доме литераторов. Клубный сезон начинается где-то с середины октября и заканчивается в середине мая. Летом жизнь в ЦДЛ как бы замирает, не проводятся никаких мероприятий в Большом и Малом залах, не работают библиотека и библиографический кабинет. Большинство сотрудников уходит в отпуск. Правда, в 1997 году в связи с 850-летием Москвы 63-й сезон решили закончить 30 мая, но творческие мероприятия в ЦДЛ будут продолжены, летом пройдет серия вечеров, посвященных 850-летию Москвы.

Какие же конкретные мероприятия проводит Клуб писателей? Их очень много, все и не перечислишь. Можно только обозначить некоторые из них. Следует еще раз упомянуть, что в ЦДЛ имеются два зала: Большой - на 500 мест, он расположен на втором этаже, и Малый - на 120 мест, он находится на первом этаже неподалеку от входа. В Малом зале проводятся более зауженные, камерные вечера. В Большом, соответственно, какие-то парадные, грандиозные мероприятия. Совместно с РТР, дирекцией художественных программ "Лад" был проведен вечер поэтов-парольщиков Риммы Казаковой, Константина Ваншенкина, Анастасии Поперечной, Юрия Яценцева. Постоянно идут традиционные рубрики программы ЦДЛ "Журнал журналов" и "Клубные дни". Писатели в эти дни собираются на свои клубные собрания, которые прохо-

дят, как правило, в Пестром зале ЦДЛ.

Работа Клуба писателей заключается не только в проведении юбилейных встреч и вечеров, вечеров памяти писателей или каких-либо памятных дат, но также и в том, что внутри клуба функционируют различные творческие образования, объединения, кружки. Это студия молодых литераторов при союзе писателей Москвы под названием "Лигит" /руководители - Кирилл Ковальджи и Евгений Бунимович/; "Клуб одного стихотворения" /ведущая - Римма Казакова/; "Вологодские встречи" /ведет Полина Рожнова/; семинар драматургов /руководитель Александр Рейжевский/; устная газета московских писателей /ведущий Генрих Митин/; "Клуб рассказчиков" /председательствует Евгений Чернов/; "Клуб московских писательниц "Московитянка" под руководством Дины Терещенко; работают кино клуб и шахматный клуб и т.д.

БИБЛИОТЕКА

Библиотека Дома литераторов была создана в 1934 году. Пользуются библиотекой, в основном, писатели, члены их семей и сотрудники Дома литераторов.

Библиотека ЦДЛ уникальна и необычна, она оказывает большую помощь писателям в их творческой работе. Без нее писатель просто не смог бы обходиться.

Сейчас фонд библиотеки составляет около 400 тысяч экземпляров книг, газет, журналов. В ней собраны с 1939 года подшивки таких газет, как "Правда", "Комсомольская правда", "Вечерняя Москва", "Литературная газета". С 20-30-х годов имеются подшивки толстых литературных журналов. Есть дореволюционные журналы "Нива", "Аполлон", "Русский архив", "Исторический вестник" и другие. Имеется фонд редкой книги. Достаточно хорошо укомплектован фонд читального зала, где имеются все словари - и современные, и дореволюционные разной тематики, а также вся основная периодика.

Раньше в библиотеке работало 13 человек, сейчас осталось только 8. Люди ушли, потому что маленькая зарплата. А те, которые остались - это настоящие энтузиасты, фанатики своего дела. Для них библиотека - это не просто работа, это их жизнь. Директором библиотеки является Людмила Федоровна Хонеллидзе, которая, как и многие другие сотрудники, работает здесь долгие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

В состав библиотеки ЦДЛ входит библиографический кабинет. Он тоже единственный и неповторимый в своем роде. Был создан в 1934 году по инициативе М. Горького. В библиокабинете собрана библиография о творчестве писателей и библиография литературы об их произведениях. Причем собираются сведения не только об отдельно изданных книгах, но и расписываются также произведения писателей, опубликованные в газетах, журналах, альманахах и прочих изданиях.

Цдэльский библиокабинет отличается от других библиографических кабинетов. Здесь нет ни предметных, ни тематических каталогов, а собрана библиография писателей, причем не только по российским авторам, но и по авторам Ближнего и Дальнего Зарубежья. К сожалению, начиная с 1993 года библиография на зарубежных писателей не ведется. Это происходит потому, что вместо четырех человек теперь работает один - Валентина Алексеевна Аллимова. Она - профессионал высокого класса, но все-таки ей одной такая грандиозная работа не под силу. Конечно, то, что оставлено

предшественниками - это невероятный, уникальный фонд, которого нет даже в Ленинской библиотеке. И Ленинская, и Историческая и многие другие библиотеки Москвы и России, а также издательства, редакции газет и журналов часто обращаются за помощью именно в библиокабинет Дома литераторов. Когда создавался в Лондоне справочник о библиотеках Москвы, писательскую библиотеку и библиографический кабинет ввели в этот справочник как уникальные.

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Раньше Бюро обслуживания занималось рассылкой календарных планов членам Союза писателей СССР. После разделения СП СССР на несколько союзов и после того, как в ЦДЛ образовалась новая структура - Клуб писателей, Бюро обслуживания рассылает календарные планы и разные другие информационные материалы только членам Клуба. Кроме того, в Бюро происходит прием в члены Клуба писателей, получение членских взносов. На всех членов Клуба ведется картотека.

Бюро обслуживания ежемесячно информирует правительство Российской Федерации, правительство Москвы, различные общественные и творческие организации о творческой работе Дома литераторов.

РЕСТОРАННЫЙ КОМПЛЕКС

Он состоит из Пестрого зала /здесь раньше было писательское кафе/, Дубового зала /тут располагается основной зал ресторана/, Фонтанного зала, двух Каминных, Веранды и Балкона.

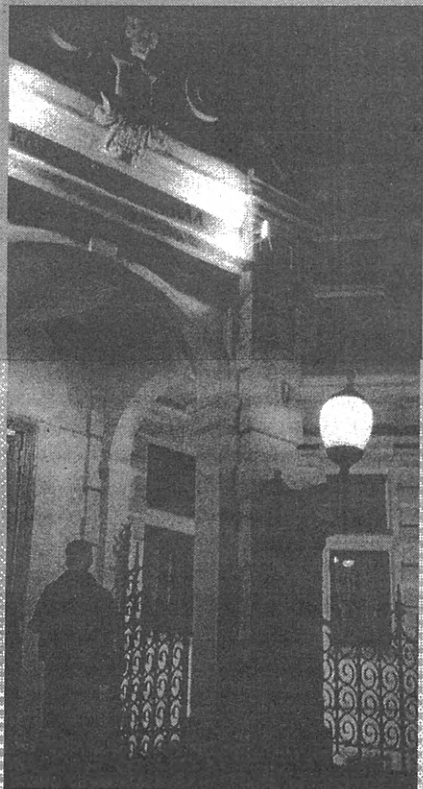
Помещения эти были отремонтированы, и хотя кардинальной перепланировки не производилось, в целом все приобрело более цивилизный и приятный вид. В знаменитом Дубовом зале ресторана, где раньше, еще до революции, проводила собрания масонская ложа, стало намного светлее и уютнее. Это, во-первых, оттого, что отчистили потолки, которые прежде хозяйка ЦДЛ, дабы особо не утруждать себя, просто-напросто покрыли кузбасс-лаком, поэтому зал от подобной окраски имел темный и мрачный вид. Во-вторых, аляповатые разноцветные витражи времен застоя, заменили на другие, изысканные, исполненные по архивным справкам и чертежам. Люстра в Дубовом зале осталась та же, что и была. Она знаменита тем, что подарена Дому литераторов Сталиным в 1932 году. Сохранилась известная всем скрипящая лестница, сделанная без единого гвоздя. Барельефы графини Олсуфьевой и князя Сятополка-Четвертинского остались на месте на сандаловых колоннах. Только дубовое ланно и дубовая штора, которые сгорели еще в 1945 году, были восстановлены - это копии.

В помещениях ресторана стоит приятный запах сгоревшего дерева от работающих каминов. Семь лет назад все каминные отремонтировали и теперь они в рабочем состоянии.

Огромный недостаток всего этого великолепия - высокие цены. Примерная стоимость обеда в Дубовом зале - 100 - 130 \$. Средний писатель может позволить себе зайти в эти чудесные залы как в музей /посмотрел и вышел/, где можно увидеть не только старинную мебель и обстановку, но и великолепную еду. Такие кушанья, наверное, едали только дворяне, прежние дореволюционные обитатели этого дома. Судите сами, как царственно, величественно звучат даже названия блюд: колонная закуска "Царь Николай", горячее блюдо - перепела "Голицыно", рыбный суп "Суворовский". Так что обедают в этих роскошных апартаментах или очень богатые писатели, разбогатевшие каким-то образом на рыночных гонорах или люди, не имеющие к Дому литераторов никакого отношения: банкиры, сотрудники близлежащих посольств, иностранцы.

НИЖНИЙ БУФЕТ

Для писателей осталось единственное прибежище - нижний буфет, расположенный в подвале ЦДЛ. Их, писателей, как говорится, опустили. В буфете можно съесть бутерброды за 3-4 тысячи, выпить чаю за 1500, кофе - за 3000. Томатный сок стоит 2500. Имеются еще пирожки, разливное пиво, салаты. Да что еще творческому человеку нужно? Как говорится, не хлебом единым...

СВЕТ И МРАК ЮЛИИ ЕЖОВОЙ

Юлия Ежовой - 28 лет. Она - художница. Год назад проходила выставка юлиной графики в редакции журнала "Юность". Но не так давно обнаружилось, что она к тому же пишет стихи. Только совершенно никому не показывает. А стихи оказались очень даже замечательными.

в голубом платье
олицетворение скромности
и чистоты -
ах, неужели это я?

неужели это я?...

в туфельках
на высоком каблуке
и с лентой в волосах -
неужели это я?

да, это я

танцевавшая с тобой
и позволившая
увести себя из зала -
да, это я.

приоткрытый навстречу
рот, отвечающий
твоим поцелуям -
это я.

это я

А вот еще одно прекрасное стихотворение о любви.

вы подарили мне цветы -
спасибо, только жаль,
что это было на глазах у всех,
а если б нет - меня бы Вы еще
поцеловали, правда?..

только жаль

только жаль

Юля родом из Владимира, а живет сейчас в Москве. Но поскольку у девушки нет московского жилья, ей приходится переживать необычайные трудности. Для того, чтобы иметь хоть какую-то крышу над головой, Юле пришлось устроиться в один из столичных ДЭЗов уборщицей и за это ей позволили жить в маленькой комнатухе в одном из старых, выселенных домов. Пока работает - живет, как не сможет убирать, так ее отсюда попросят. Но платят за эту работу совершенно символическую сумму, поэтому чтобы как-то прокормиться, Юля вынуждена еще работать в одной из фирм секретарем. Для творчества остается совсем немного времени и сил.

ночь
легкими пальцами
задумчиво проводит
два полукруга
под моими глазами -
глубоким оттенком
грусти
оставляя память
о времени,
проведенном
вместе с нею.

ночь

ночь

ночь

ночь

При всех своих наклонностях и способностях к искусству, Юля, как это ни странно, закончила Сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, хотя до этого она училась в художественной школе, да и папа у нее - художник. Было непонятно, что могло ее подвинуть на такой шаг, и какое она имеет отношение к сельскому хозяйству. Оказалось на самом деле - никакого.

В детстве она считала себя "гадким утенком". Ей казалось, что вся родительская любовь, внимание доставались ее младшей сестре. Юля думала, что она ничего интересного из себя не представляет, что ее способности как художника слишком незначительны, чтобы уделять им более серьезное внимание. Кто-то из знакомых посоветовал ей заняться сельским хозяйством. Поэтому она отправилась учиться в Сельскохозяйственную академию. Конечно, с ее стороны это был неразумный шаг, из-за которого она потеряла много времени и сил, но другого, разумного, ей никто не подсказал.

главное - не разучиться целовать

а я такая поганая скверная
мушка-девчужка,
что иногда злорадствую,
глядя на себя со стороны.
я ползаю по стенкам,
а вообще - то живу в комнате,
в цветах.
ах, как я одинока...
но мне это смешно,
когда нет друга допускаю
иногда поцеловать стенку
вместо него,
ну и что, главное -
не разучиться целовать,
значит, надо продолжать
ползать и выглядывать -
а может, придет лето,
а может, придет кто-нибудь ко мне,
но я - такая скверная мушка -
могу и сама к кому-нибудь слетать -
так просто.
ведь несмотря на то,
что я очень маленькая
и слабенькая,
во мне живет
большая надежда,
что все мое -
кому-нибудь пригодится.
вот поэтому я и ползаю
и иногда взлетаю,
чтобы снова приземлиться
и опять ждать.

как солнце

золотистая

легкая длинная паутинка
за его шляпу зацепилась

ах, как я одинока

Но все-таки, несмотря на пессимизм и безысходность, сквозящие в этом стихотворении, даже для какой-то невзрачной цветочной мушки есть надежда, что все ее кому-нибудь да пригодится. Самое главное - не терять этой надежды, "не разучиться целовать". Сама же Юлия порой теряет такую надежду - кого-то дожидаться, дожидаться света в своей жизни и судьбе, и тогда вокруг нее встает сплошная стена мрака и отчаяния.

шел дяденька в шляпе,
навстречу ему светило солнце
и вокруг летала тончайшая пыль.
он шел и его тень шла за ним.
он обошел лужу,
и в это время
за его шляпу зацепилась
легкая длинная паутинка,
золотистая, как солнце.
а он этого не заметил
и все шел вперед,
впереди солнце,
легкий ветерок,

шел дяденька в шляпе

прозрачный воздух
позади - серый асфальт
и синяя с черными краями
лужа и тень его за ней.
а паутинка летела за ним по воздуху
и была золотистого цвета,
хотя все, что было за его спиной,
имело холодные темные
сине-серые тона.
я шла поодаль, сзади,
и видела это.
но мне не удалось обойти
эту темно-синюю лужу.
она неожиданно выплеснулась
мне в лицо,
как бы говоря -
не смотри вперед, там
солнце, оно не для тебя.
кругом столько черного и холодного,
вот, окупись!
и действительно,
подумала я -
ведь паутинка зацепилась
не за меня, значит я
остаюсь сзади, где темно.

вот, окупись!

"...ведь паутинка зацепилась не за меня, значит я остаюсь сзади, где темно" - основной мотив, пронизывающий все творчество Юлии Ежовой, как стихотворное, так и живописное. В картинах очень много темных красок. Темно-коричневый, серый, темно-синий, черный, фиолетовый - вот ее живописная палитра. На темном фоне полотно почти такие же, едва ли не сливающиеся по цвету с фоном огромные темно-коричневые бабочки, темно-синие цветы, черные подсвечники, серые камни и ракушки - раковины. Большие раковины - излюбленный сюжет. Но чудо! - из раковин, окруженных мраком, льется свет и не то что бы льется, а как бы мерцает, прорывается откуда-то изнутри. И в этом есть глубокий смысл - мрак, окружающий жизнь и судьбу Юлии, не в состоянии погасить свет, идущий из глубин ее души. Юлиина душа, как то бесчисленное количество морских ракушек, изображенных на ее картинах, мерцает среди беспросветного жизненного мрака своим собственным животворным светом.

сухая музыка
созвездий
свечой сгоревшей
прозвучала.
сотри
изгибы тонких
линий...
морской ракушкой
стань сначала.

Сухая музыка, бум., тушь., 34x19 см, 1995 г.